

О трудолюбіи.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Всякое живое существо зависитъ отъ среды, въ которой проводитъ свою жизнь. Человѣкъ имѣетъ двойную среду—внѣшнюю природу и жизнь общественную. Въ отношеніи природы задача въ томъ, чтобы обезпечить свою отъ нея независимость, насколько это возможно и необходимо человѣку въ интересъ собственнаго развитія его духовнаго существа: необходимо, чтобы духъ человѣка не былъ подавляемъ зависимостію отъ внѣшней природы. Цѣль эта достигается по мѣрѣ того какъ человѣкъ научается пользоваться всякими дарами природы и преодолевать или по крайней мѣрѣ ослаблять все, что можетъ ему вредить. А это значитъ, что для установленія желаемого и должнаго отношенія къ природѣ требуется отъ человѣка непрерывный, тяжелый, а главное правильно организованный трудъ. Не легко даются человѣку побѣды надъ природою, но именно усиленный трудъ спасаетъ человѣка, даетъ ему возможность сохранять неизмѣнно свое человѣческое достоинство и постепенно усовершенствоваться. Наибольшую важность въ этомъ отношеніи имѣетъ правильная организація труда, а это возможно только въ жизни общественной. Ибо названная выше цѣль осуществима только при согласномъ и дружномъ дѣйствіи множества человѣческихъ индивидовъ и на протяженіи времени далеко и во много разъ превосходящаго мѣру существованія отдѣльныхъ лицъ. Посему общество для отдѣльнаго человѣческаго существа есть ближайшая и важнѣйшая

¹⁾ См. Труды Киевской дух. Академіи, июль, 1905 г.

Труды Киевск. дух. Акад. Т. II. 1905 г.

среда. Только при посредствѣ общественной жизни возможно упорядоченіе труда, просто сказать—самый трудъ какъ принадлежность человѣка возможенъ только въ общественной жизни. А такъ какъ сущность труда, истинный его смыслъ, заключается въ обеспеченіи возможности духовнаго развитія и въ самомъ этомъ развитіи, то съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ изъяснять какъ происхожденіе общественной жизни, такъ и важнѣйшія ея явленія.

Обыкновенно главнымъ условіемъ происхожденія общества и жизни общественной признается необходимость *раздѣленія труда*. Посему общество и жизнь общественная понимается какъ организациія труда. При этомъ трудъ разумѣется въ смыслѣ довольно узкомъ, имѣется въ виду лишь трудъ физическій и самое раздѣленіе труда рассматривается какъ средство къ лучшему обеспеченію насущныхъ потребностей жизни. Но вѣдь главное важнѣйшее отличіе человѣка въ томъ, что онъ обладаетъ духовною жизнью, и потому его существованіе никогда не могло ограничиваться одною лишь психо-физической или фізіологической стороною. Пусть вначалѣ духъ человѣка могъ быть только въ зачаточномъ состояніи, а все же нельзя мыслить человѣка безъ этого его преимущества, и вотъ именно общественность и надо понимать прежде всего, какъ явленіе, имѣющее въ основаніи своемъ духъ человѣка, какъ проявленіе этого духа. Выше разъяснено, что человѣкъ обладаетъ сознаниемъ, о которомъ должно полагать, что оно существенно различно отъ сознаниія свойственнаго животнымъ, ибо человѣкъ—существо *мыслящее*. Мышленіе свою производительную дѣятельность проявляетъ прежде всего въ томъ, что даетъ самостоятельное бытіе идеямъ, именно отрѣшаетъ ихъ отъ естественной связи съ влеченіями, и потому-то у человѣка идеи не только исходятъ изъ влеченій, но и обратно—сами могутъ служить и служатъ источниками соответственныхъ имъ стремленій, называемыхъ поэтому *идеальными*. Идеи, по-

лучившія чрезъ мышленіе для сознанія самостоятельное бытіе, не могли бы надолго удержаль эту свою самостоятельность, если бы не получили вмѣстѣ съ тѣмъ вышшняго выраженія въ *словахъ* языка, что также есть дѣло мышленія. Полагають даже, что хотя мы и различаемъ мысль отъ словеснаго ея выраженія, представленіе отъ словеснаго знака, но въ сущности сообщеніе представленіямъ самостоятельнаго бытія и выраженіе или обозначеніе ихъ посредствомъ словъ,— это одно и то же нераздѣльное дѣйствіе мыслящаго человѣческаго духа. Вотъ именно языкъ, какъ произведеніе и вмѣстѣ выраженіе духа человѣческаго, есть первое и важнѣйшее основаніе жизни общественной. На древнѣйшихъ каменныхъ орудіяхъ, которыми пользовался до-историческій человѣкъ, уже встрѣчаются явственныя начертанія образовъ разныхъ животныхъ, а вѣдь графическіе знаки—болѣе поздній способъ выраженія и обозначенія представленій сравнительно съ изустнымъ произнесеніемъ словъ. Итакъ, языкъ служитъ орудіемъ общественнаго союза въ самыя первые времена существованія человѣка. Между тѣмъ, языкъ—орудіе не столько матеріальное, сколько духовное, предназначенное для духовнаго общенія. Сознаніе духовнаго значенія языка въ самыя первобытныя времена можно усматривать въ томъ, что названіе вещи не было для древняго человѣка простымъ знакомъ, ибо существовала увѣренность, что знающій названіе вещи чрезъ то владѣеть какъ бы самямъ ея существомъ, ея душой; отсюда олицетвореніе вещей природы, усвоеніе таинственнаго значенія, волшебной чудодѣйственной силы нѣкоторымъ словамъ. Мифологическія представленія, — религиозныя вѣрованія, вообще все міросозерцаніе первобытнаго человѣка состоитъ въ тѣсной связи со словами языка. Между тѣмъ, происхожденіе языка все еще остается загадкою, неразрѣшимою для науки и, кажется, навсегда должно остаться такою; это не удивительно: вѣдь разъяснить происхожденіе языка значитъ показать какимъ образомъ чело-

вѣкъ сдѣлался человѣкомъ, т. е. существомъ мыслящимъ. Мышленіе есть необходимое орудіе, пользуясь которымъ мы изъясняемъ происхожденіе всего иного, но для себя самого оно очевидно не можетъ служить орудіемъ, какъ не возможно человѣку самого себя вытащить за волосы изъ воды. Одно только ясно, что языкъ есть произведеніе народнаго или племеннаго духа, а не отдѣльныхъ лицъ, и слѣдовательно, по происхожденію своему, совпадаетъ съ происхожденіемъ общества. Многіе ученые и писатели мечтали о созданіи универсальнаго языка, но задача эта оказывается не выполнимою: если гениальный человѣкъ не въ состояніи создать языкъ, то какъ же могло быть это дѣло по силамъ первобытному дикому человѣку? Ясно, что языкъ не есть намѣренное произведеніе, а есть продуктъ органическаго развитія, выраженіе психическаго, слѣдовательное духовнаго, но бессознательнаго, и потому самому общенароднаго, а не индивидуальнаго, процесса. Образование же языка литературнаго изъ народнаго языка есть уже дѣло индивидуальныхъ личныхъ силъ. Въ соціологическихъ теоріяхъ обыкновенно отдѣльная личность, индивидумъ, и общество противопоставляются такъ, что послѣдствіемъ этого являются крайности, съ одной стороны, *индивидуализма*, а съ другой—*соціализма*. Происхожденіе же языка литературнаго свидѣтельствуетъ, что личныя индивидуальныя силы могутъ успѣшно работать и развиваться только на почвѣ духа народнаго, въ живой связи и взаимодействіи съ этимъ духомъ. Поэтому общественность должно признать первоначальною и основною формою человѣческаго бытія. Не слѣдуетъ полагать, что сначала люди жили врознь, раздѣльно, въ одиночку, потомъ соединились и образовали союзъ, сначала меньшій, а затѣмъ большій. Скорѣе всего слѣдуетъ думать, что одновременно всегда существовали и общеніе болѣе тѣсное, въ видѣ семьи, и общеніе болѣе широкое въ видѣ союза нѣсколькихъ семей (родовой племенной бытъ),

слѣдовательно, отдѣльное лицо могло существовать только въ качествѣ члена семьи или рода, племени, народа, а не само по себѣ. Итакъ, раздѣленіе труда могло быть не условіемъ происхожденія, а только послѣдствіемъ существованія общества. Обыкновенно такъ разсуждаютъ: отдѣльный человѣкъ не въ состояніи своимъ трудомъ обезпечить удовлетвореніе своихъ нуждъ; отсюда—необходимость раздѣленія труда между многими лицами, и, слѣдовательно, необходимости соединенія этихъ лицъ въ одно общество; раздѣленіе труда создаетъ солидарность, взаимную зависимость людей другъ отъ друга и слѣдовательно общеніе. Но вѣдь жизнь первобытныхъ людей была крайне несложна: человѣкъ тогда довольствовался простѣйшимъ удовлетвореніемъ своихъ нуждъ, конечно, очень немногихъ, а средства къ тому природа давала въ изобиліи. Если-бы человѣкъ имѣлъ надобность заботиться о томъ только, чтобы *какъ-нибудь* удовлетворить свои жизненные потребности, то раздѣленіе труда было бы излишне: для такой цѣли немного нужно, какъ и дѣйствительно животныя обходятся безъ того сложнаго раздѣленія труда, какое свойственно человѣческому обществу, даже, можно сказать, вовсе безъ труда (ни сѣютъ, ни жнутъ). Но, какъ существо мыслящее, человѣкъ отличается отъ животнаго и въ способъ удовлетворенія своихъ животныхъ потребностей: онъ имѣетъ въ виду возможно лучшее, а не какое-либо удовлетвореніе, и для сего неудовольствуется употребленіемъ одной физической силы, но съ самаго начала прилагаетъ къ дѣлу и свои духовныя силы, что выразилось, напр., въ изготовленіи орудій, сначала несовершенныхъ, а затѣмъ постепенно все болѣе усовершеншаемыхъ, при томъ разнообразныхъ по формѣ и назначенію; необходимъ былъ навыкъ, нужна была опытность, нѣкотораго рода искусство и въ приготовленіи и въ употребленіи орудій. И вотъ собственно эта потребность обладанія нѣкоторымъ знаніемъ и умѣньемъ, необходимымъ для общепользныхъ цѣлей,

сѣдовательно, потребность духовная, а не физическая и была основаніемъ для раздѣленія труда: одни могли быть болѣе искусны и опыты въ изготовленіи орудіи, другіе— въ ихъ употребленіи. И въ этомъ дѣлѣ интересъ общественный соединился съ нѣкоторой свободой индивидуальности, ибо разнообразіе орудіи по формѣ и величинѣ свидѣтельствуесть, что способъ приготовления ихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ былъ дѣломъ личной изобрѣтательности самихъ производителей. И въ первобытномъ своемъ состояніи человекъ не ограничиваетъ своего труда однѣми лишь насущными, матеріальными нуждами, и, сѣдовательно, не въ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, не только въ нихъ было основаніе для раздѣленія труда. Извѣстно, что и дикари любятъ украшать себя и заботиться о приобрѣтеніи навыковъ, необходимыхъ въ охотничьемъ быту, а также относящихся къ военному дѣлу, по причинѣ нередко бывающихъ при этомъ враждебныхъ столкновеній между разными племенами. Правильный трудъ могъ, однако, начаться только вмѣстѣ съ началомъ осѣдлой жизни, послѣ того какъ возникло земледѣліе. Безъ сомнѣнія, охотничій бытъ продолжался несравненно болѣе того времени, когда люди, какъ предполагають, питались плодами. Поэтому очень вѣроятно, что качества, приобрѣтенныя и наиболѣе цѣнимыя въ охотничьемъ быту, наложили свою печать на формы человеческого быта послѣдующихъ временъ. Главная, и наиболѣе цѣнимая, добродѣтель въ быту охотничьемъ—неустрасимость, обратной стороной которой служатъ хитрость и изворотливость. Чтобы быть искуснымъ ловцомъ, недостаточно одной физической силы, хотя бы и очень значительной, важно въ особенности умѣнье ею пользоваться, а потому и нельзя припятъ безъ оговорокъ того положенія, что въ первоначальныхъ обществахъ кто былъ сильнѣе другихъ, тому и власть доставалась. Еще очевиднѣе второстепенное значеніе физической силы въ быту пастушескомъ, въ которомъ главное значеніе получаетъ право

собственности; для приобретения, а затѣмъ въ особенности для сохраненія и правильнаго пользованія собственностью, необходима опытность, въ нѣкоторой мѣрѣ житейская мудрость. Наконецъ, во всѣхъ формахъ древнѣйшаго быта первостепенное значеніе имѣла кровная связь, при чемъ старѣйшіе всегда пользовались почетомъ,—ясно почему,—потому что чрезъ долготѣіе наживается опытность, увеличивается мудрость. Не различіе въ размѣрѣ физической силы, но гораздо болѣе разность въ отношеніи иныхъ преимущественно духовныхъ качествъ была и въ первобытныя времена основаніемъ раздѣленія труда, а равно и раздѣленія классовъ общества. Конечно, достаточно превосходства въ отношеніи физической силы, чтобы одолѣть и заставить повиноваться себѣ другого, но добровольное повиновеніе не можетъ основываться на одномъ принужденіи, на насиліи однихъ лицъ надъ другими.

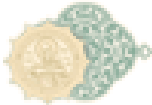
Важнѣе другой вопросъ объ обществѣ, именно — вопросъ о благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для труда условіяхъ жизни общественной. Впрочемъ, сказанное о происхожденіи жизни общественной даетъ нѣкоторое, предварительное, основаніе для рѣшенія этого вопроса. Если въ процессѣ происхожденія общественной жизни главное значеніе имѣютъ духовныя начала человѣческой природы, то ясно, что развитіе и процвѣтаніе труда много зависитъ отъ того, насколько въ жизни общественной духовныя начала имѣютъ подобающее имъ значеніе и вліяніе. Именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ обзрѣвать и обсуждать антиноміи, возникающія и имѣющія мѣсто въ средѣ общественной жизни относительно положенія и оцѣнки труда.

Укажемъ здѣсь эти антиноміи.

1) Взятый самъ по себѣ, т. е. по принципіальному понятію о немъ, въ сущности своей, трудъ не можетъ не быть желательнымъ и достойнымъ предпочтенія, составляя преимущество человѣка, будучи выраженіемъ его высшаго

достоинства и предназначения. Но въ действительности трудъ бываетъ такъ тяжелъ и невыносимъ, что является желаніе избавленія отъ него и праздность, свобода отъ труда предпочитается труду, который по сему считается наказаніемъ, злосчастнымъ опредѣленіемъ судьбы, постигающимъ, къ прискорбію, не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ. Мы видимъ, что множество людей рѣшаются вести даже преступную жизнь, не желая обречь себя на правильный трудъ; многіе завидуютъ тѣмъ, которыхъ положеніе дѣлаетъ свободными отъ необходимости трудиться. Дѣло въ томъ, очевидно, что не самъ по себѣ трудъ не желателенъ, но условія, которыми трудъ обставленъ, бывають нерѣдко таковы, что даютъ лишь чувствовать тяжесть труда, но при томъ не даютъ вознаграждающаго эту тяжесть нравственнаго духовнаго удовлетворенія: человекъ не видитъ и не признаетъ важности, необходимости моральной и плодотворности лежащаго на немъ труда. Конечно, можетъ это происходить отъ непониманія для чего дѣлается и считается нужнымъ дѣлать то или другое, но непониманіе должно возмѣщаться довѣріемъ къ тѣмъ, кто возлагаетъ этотъ кажущійся непонятнымъ трудъ, и совѣмъ худо, если такого довѣрія не имѣется.

Земледѣльческій трудъ несомнѣнно тяжелъ, но человекъ охотно несетъ тяжесть этого труда, видя и понимая его важность и плодотворность; далеко не такъ очевидны важность и необходимость многихъ отправленій, исполняемыхъ низшими агентами огромной и сложной машины государственнаго управленія; по этой причинѣ одни стараются увѣрить себя въ важности и необходимости того, что они вынуждены дѣлать, и это выражается въ стѣпомъ и непреклонномъ формализмѣ таковыхъ дѣятелей, формализмѣ, подерживаемомъ и даже до крайности доводимомъ тѣми государственными людьми, которые единообразіе, обращающее всякое живое дѣло въ механическую процессъ, отождествля-

ютъ съ порядкомъ, согласіемъ, единствомъ; другіе же съ крайнимъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ относятся къ своимъ обязательнымъ занятіямъ. Съ другой стороны, возможно, что цѣль труда не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, но самый процессъ труда до того бываетъ мелочень и однообразенъ, что не только дѣлается для исполнителя скучнымъ и противнымъ, но можетъ довести его до совершенной тупости, и потому такой видъ труда, т. е. процессъ его, нельзя не признать безчеловѣчнымъ, унижительнымъ для челоуѣческаго достоинства. Всякое ремесло, какъ дѣло личное индивидуальное, есть занятіе почтенное, и можетъ возбуждать любовь къ себѣ и благородное соревнованіе въ стремленіи къ усовершенію приемовъ исполненія и формы продуктовъ. Но машинное производство въ сферѣ фабрично-заводской промышленности, доводя до крайности раздѣленіе труда, именно раздробляя процессъ производства на мелкія части, обращаетъ и самихъ исполнителей дѣла въ машины, однообразно и безконечно повторяющія все одну и ту же мелкую часть общаго труда. Въ этомъ случаѣ мы опять таки имѣемъ заслуживающую вниманія антиномію: машины были изобрѣтаемы и усовершеняемы въ видахъ облегченія тяжести физическаго труда, но, создавъ фабрично-заводскую промышленность въ существующемъ нынѣ столь широкомъ размѣрѣ, именно машинное производство привело къ тому, что челоуѣкъ сдѣлался рабомъ, слѣпымъ исполнителемъ этого производства, лишеннымъ всякой инициативы и самостоятельности, такъ что въ противовѣсъ тяжести труда приходится заботиться о томъ, чтобы хотя другой элементъ трудовой жизни—отдыхъ, досугъ сдѣлать по возможности привлекательнымъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи, такъ чтобы было нѣкоторое равновѣсіе между подавляющимъ и угнетающимъ, съ одной стороны, а съ другой—возбуждающимъ и оживляющимъ состояніемъ трудовой жизни; важно,

конечно, и возможное улучшение условий жизни рабочего класса.

2) Въ промышленности фабрично-заводской трудъ и капиталъ (матеріалъ и орудія производства) одинаково необходимы, тѣмъ болѣе, что капиталъ тоже есть не что иное, какъ накопленный трудъ; но интересы представителей труда и капитала на дѣлѣ настолько расходятся, что послѣдствіемъ этого является взаимное нерасположеніе и даже борьба между тѣми и другими. Предприниматели хлопочутъ объ уменьшеніи издержекъ производства въ видахъ удешевленія и большаго распространенія товаровъ, рабочіе же стремятся къ увеличенію издержекъ, требуя возвышенія заработной платы и сокращенія ежедневной продолжительности труда. Должно, однако, признать, что стачки, устраиваемыя рабочими съ этою цѣлью и сдѣлавшіяся на Западѣ столь обычными, кромѣ зла, прежде всего самимъ же рабочимъ, ничего не приносятъ, производя въ промышленности разстройство, послѣдствія котораго столь бѣдственны для самихъ рабочихъ.

3) Раздѣленіе труда признается необходимымъ для того, чтобы трудъ развивался и усовершенся. Въ то же время раздѣленіе общества на классы, тѣсно связанное съ раздѣленіемъ труда, отрицается какъ предрассудокъ, какъ остатокъ пережитой старины, хотя столь употребительное сравненіе общества съ организмомъ ведетъ къ тому заключенію, что раздѣленіе общества на классы необходимо. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе это все болѣе устраняется и сглаживается, жизнь общественная все болѣе опошляется и дѣлается безцвѣтной.

Столь явныя противоположности, трудно согласимыя въ общественныхъ условіяхъ труда и въ стремленіяхъ порождаемыхъ этими условіями, побуждаютъ изслѣдователей общественной жизни выработать теоріи объ этой жизни, имѣю-

ція цѣлью содѣйствовать измѣненію ея къ лучшему, къ усовершенію ея. Но въ самихъ этихъ теоріяхъ также нѣтъ согласія. Ибо различно понимаются, во-первыхъ, способы осуществленія желаемыхъ перемѣнъ къ лучшему въ общественной жизни. Одни говорятъ, что жизнь общественная, какъ и все въ мірѣ, подлежитъ необходимымъ законамъ. Этимъ, конечно, не исключается стремленіе къ измѣненію условій и формъ общественной жизни, а только требуется проекты перемѣнъ сообразовать съ необходимыми законами развитія общественной жизни. Другіе справедливо указываютъ на то, что еще никто въ точности не опредѣлялъ законовъ, которые были бы общими для жизни общественной у всѣхъ народовъ; вмѣсто того обыкновенно считается закономъ то, что принято у многихъ народовъ, конечно, наиболѣе просвѣщенныхъ; вѣрнѣе всего считать источникомъ такого мнѣнія склонность подражать во всемъ примѣру тѣхъ народовъ, которыхъ привыкли считать достойными подражанія. Вмѣсто проблематическихъ—общечовѣческихъ законовъ социальной жизни, благо-разуміе требуетъ имѣть постоянно въ виду начала жизни установившіяся въ исторіи собственнаго народа, и съ этими именно началами сообразовать всякаго рода стремленія къ усовершенію общественной жизни. Ничто такъ не важно для успѣховъ общенародной дѣятельности, для процвѣтанія труда общественнаго, какъ то, чтобы развитіе этой дѣятельности, вообще всякаго труда, было *органическимъ*. А важнѣйшая черта органическаго развитія—присутственность. Вѣрный признакъ отсутствія такого развитія состоитъ въ томъ, что начатое и сдѣланное однимъ не находитъ для себя продолжателей, а вмѣсто того то же самое начинается вновь, и такимъ образомъ повсюду видится только рядъ попытокъ что то сдѣлать, а настоящее дѣло не двигается впередъ, или же такое движеніе едва замѣтно, на каждомъ шагу торозится множествомъ сталкивающихся и расходящихся въ

разныя стороны направленій и взглядовъ. Такое довольно хаотическое состояніе общественныхъ стремленій является послѣдствіемъ привычки подражать другимъ, ибо образцы для подражанія берутся разные и самый выборъ—дѣло произвола. Дѣйствительная увѣренная въ себя послѣдовательность развитія возможна лишь тогда, когда все заимствуемое обращается лишь въ матеріалъ для самодѣятельности, источникъ же самодѣятельности и залогъ успѣха всякихъ начинаній заключается въ сохраненіи связи съ народнымъ духомъ. И самыя цѣли для желаемыхъ перемѣнъ также понимаются различно. Всѣ желаютъ блага общественнаго, но неодинаково таковое опредѣляется. Одни считаютъ высшимъ благомъ, котораго слѣдуетъ добиваться—свободу, другіе же свободу предпочитаютъ порядокъ, единство жизни, всеобщую связь. И это дѣйствительно есть высшее благо, при осуществленіи котораго достигается и свобода въ истинномъ значеніи этого слова. Худо только, что единство, крѣпость общественно народнаго союза нерѣдко смѣшивается съ наружнымъ однообразіемъ формъ, съ отсутствіемъ всякаго разнообразія и личной, вообще частной, предпріимчивости на пользу общую. При ложномъ поверхностномъ пониманіи единства, свобода дѣйствительно если не вовсе исключается, то до высшей степени ограничивается.

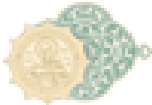
Указанныя антиноміи очевидно заключаютъ въ себѣ проблемы о соціальныхъ условіяхъ труда. Проблемы эти касаются насущныхъ жизненныхъ интересовъ и потому способны возбуждать страсти. Отъ того рѣшеніе ихъ зависитъ не столько отъ спокойнаго изслѣдованія, которое имѣетъ, впрочемъ, немаловажное значеніе, сколько отъ взаимодѣйствія и борьбы различныхъ общественныхъ силъ и есть дѣло такого свойства, что исполненіе его принадлежитъ исторіи, т. е. совершается медленно и постепенно при посредствѣ такихъ общественныхъ учрежденій, каковы: школа, церковь

и государство, при содѣйствіи литературы и искусства составляющихъ важнѣйшіе органы общественной дѣятельности.

Назначеніе школы опредѣляется тѣмъ, что въ дѣятельности человѣческой должно различать самыя дѣла (элементъ измѣнчивый) отъ свойствъ ими проявляемыхъ (элементъ постоянный). Теперь, при оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности, обыкновенно обращается главное вниманіе на отношеніе къ обществу, а потому многимъ кажется, что безразлично каковъ человѣкъ по своимъ свойствамъ, лишь бы онъ съ пользою служилъ обществу. Но вѣдь достоинство человѣческихъ дѣлъ зависитъ именно отъ свойствъ человѣческой души, и пренебреженіе къ дѣлу образованія своей личности неминуемо должно отразиться и на характерѣ нашей дѣятельности. Поэтому надо различать двойную задачу образованія: съ одной стороны, необходима разработка личныхъ свойствъ, образованіе человѣческой личности, духа человѣческаго, а съ другой стороны, не менѣе необходима предварительная подготовка къ той или иной общественной дѣятельности. Отсюда должно быть и два разряда школъ: школы общеобразовательныя и школы спеціальныя. Въ послѣднихъ главное значеніе принадлежитъ наукамъ прикладнымъ, изъ коихъ почерпаются познанія важныя въ практическомъ отношеніи. Всѣ спеціальныя школы должны имѣть основаніе свое въ воспитаніи вполне національномъ по своему духу, дабы и самое приготовленіе въ школѣ къ будущей общественной дѣятельности направлялось по преимуществу къ задачамъ національнаго развитія и совершенствованія. Въ школахъ же общеобразовательныхъ національное воспитаніе должно соединяться съ образовательными началами значенія *общечеловѣческаго*, ибо, не будучи очищаемо и возвышаемо чрезъ такого рода образовательныя начала, само по себѣ національное воспитаніе и недостатки, пороки и предразсудки національныя, можетъ обращать въ добродѣтели, т. е. въ нѣчто должное и по-

хвальное. Необходимо при этомъ устранить одно очень распространенное недоразумѣніе. Такія элементарныя науки, какъ ариѳметика, геометрія, грамматика во всѣхъ школахъ преподаются, а вѣдь науки эти имѣютъ значеніе общечеловѣческое. Но когда говорится объ общечеловѣческомъ и національномъ, то не безличныя, и не безразличныя, въ духовномъ смыслѣ, проявленія человѣческаго познанія, — таковы чувственныя представленія, составляющія область голаго эмпиризма, и дѣйствія разсудочныя — операціи чисто формальныя, — надо имѣть въ виду, а такія проявленія духа человека, которыя имѣютъ характеръ личный, но при томъ, по содержанію своему, обладаютъ достоинствомъ и значеніемъ важнымъ для всякаго человѣка, въ случаѣ же преобладанія въ нихъ мѣстныхъ и временныхъ элементовъ народной жизни бываютъ лишены такого значенія. Таковы мысли, чувствованія, стремленія, сужденія, вообще идеи, получившія выраженіе въ литературѣ, въ искусствѣ, въ философіи, въ дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи, въ историческихъ событіяхъ. По обилію элементовъ, имѣющихъ общечеловѣческое значеніе въ особенности важно все то, что произвели классическіе народы древности, Греки и Римляне, почему и усваивается классическому образованію значеніе образованія общаго, а не спеціальнаго.

Различію школъ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ соответствуетъ различіе существующее между *церковью* и *государствомъ*. Государство — учрежденіе вполне національное, оно продуктъ и выраженіе исторіи развитія національнаго, поэтому въ своихъ дѣяніяхъ и стремленіяхъ является по преимуществу практическимъ; ко всему отдаленному отъ требованій интересовъ практической жизни отношеніе его не прямое непосредственное, а косвенное, состоитъ въ покровительствѣ и содѣйствіи. Церковь, напротивъ, содержитъ въ себѣ начала, имѣющія общечеловѣческое значеніе и стре-

мится къ насажденію ихъ въ жизни, поэтому и характеръ ея дѣятельности не столько практической, сколько *идеальный*, т. е. она не просто сообразуется съ данными условіями и требованіями жизни, а стремится воздѣйствовать на нихъ въ духѣ своихъ началъ. Если наша Церковь, содержа начала общечеловѣческія, вмѣстѣ съ тѣмъ подучила въ нашей исторіи значеніе народнаго начала, то это надо признать особымъ преимуществомъ и счастьемъ нашей исторической судьбы. Ибо, такъ какъ наша національная жизнь, съ присущими ей интересами, не расходится съ началами христіанскими, напротивъ, сходится съ ними, то поэтому и не существуетъ для насъ никакихъ побудительныхъ причинъ, въ видахъ національнаго преусиженія, избирать пути и средства противныя истинному духу христіанской нравственности, лицемѣрно прикрываясь одною лишь видимостію благонамѣренности и благожелательства. Между тѣмъ, необходимость для нѣкоторыхъ западныхъ народовъ избирать для цѣлей національнаго благосостоянія пути и средства, сомнительныя съ точки зрѣнія христіанской нравственности, ведетъ къ тому, что постоянно возникаютъ смѣлыя попытки научнымъ образомъ низвергнуть христіанскую мораль, какъ уже отжившую свое время, и замѣнить ее нѣкоторою новою моралью, обыкновенно очень близко граничащею съ безнравственностію. Интересы нашего національнаго развитія не вынуждаютъ насъ идти въ разрѣзъ съ христіанскою нравственностію, но сильно укоренившаяся привычка къ подражанію иноземнымъ примѣрамъ и образцамъ и въ настоящемъ случаѣ даетъ себя знать. И у насъ также существуетъ, но уже не лицемѣрная, а скорѣе простодушная вѣра въ близкое окончательное торжество нѣкоторой новой морали совсѣмъ отличной отъ христіанской

Школа должна научить трудиться, въ этомъ заключается смыслъ ея существованія: она должна пробудить дрем-

люція силы къ дѣятельности, возбудить въ учащихся любовь къ труду, давъ возможность испытать сладость самостоятельнаго труда. Школа плохо выполняетъ и даже вовсе не выполняетъ свое назначеніе, если учащіеся посягаютъ съ мечтами о томъ, какъ бы устроиться въ жизни такъ, чтобы по возможности больше было выгодъ, преимуществъ и какъ можно меньше труда. Государство предопредѣляетъ для будущихъ дѣятелей, приготовляемыхъ къ жизни школой, задачи, и основные начала дѣятельности, зависимыя отъ естественныхъ и историческихъ условій его существованія, а церковь воодушевляетъ на предстоящую въ жизни борьбу за добро и противъ зла и поддерживаетъ бодрость духа въ этой борьбѣ.

Наконецъ, литература и искусство даютъ возможность видѣть и оцѣнивать плоды дѣятельности общественной, степень ея развитія, успѣхи и препятствія на пути этого развитія, вообще состояніе ея въ каждое данное время, соответствующее, либо не соответствующее указаннымъ сейчасъ цѣлямъ и началамъ дѣятельности, и заключающимся въ существѣ названныхъ общественныхъ учреждений.

Говорятъ, что литература есть зеркало, въ которомъ отражается жизнь общественная. То же и объ искусствѣ можетъ быть сказано. Лишь въ томъ разница, что въ искусствѣ отражается болѣе глубокое теченіе жизни, и потому оно вѣрнѣе выражаетъ болѣе существенныя и основныя черты общественнаго и народнаго духа. Если мы бросимъ взглядъ на нашу литературу и на искусство наше, то какія данныя мы найдемъ въ нихъ для заключеній о степени развитія и характерѣ нашего общественно-народнаго труда?

Что касается прежде всего ученой и учебной литературы, стоящей въ ближайшей связи съ состояніемъ школьнаго образованія, то литература эта отличается очевиднымъ

преобладаніемъ переводныхъ сочиненій съ разныхъ иностранныхъ языковъ, и малымъ сравнительно количествомъ трудовъ оригинальныхъ; при этомъ замѣчательно, что обиліе переводныхъ трудовъ свидѣтельствуетъ не столько о существованіи въ обществѣ требованія на такого рода произведенія, сколько объ избыткѣ лицъ, предлагающихъ свой трудъ для занятій этого рода; объ этомъ свидѣтельствуетъ перепроизводство переводныхъ книгъ, усиленно предлагаемыхъ на литературномъ рынкѣ и, вѣроятно, плохо потребляемыхъ обществомъ; слѣшность и небрежность въ исполненіи этого сорта работы о томъ же свидѣтельствуетъ. О трудахъ оригинальныхъ достаточно замѣтить, что наиболѣе значительные относятся къ области естествознанія, привлекающаго къ себѣ наибольше умственныхъ силъ; напротивъ, литература ученая и учебная въ области наукъ гуманитарныхъ—филологическихъ, историческихъ, юридическихъ, философскихъ, требующая несравненно большей высоты духовнаго развитія, поражаетъ скудостью и бесплодіемъ. Здѣсь господствуетъ археологія, что свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи творчества, оригинальности. Повсюду и въ огромныхъ массахъ накапливается матеріалъ, но силъ необходимыхъ для разработки матеріала не оказывается. Выше сказано, что надо различать постоянно присущія духу неизмѣнныя и основныя его свойства отъ измѣнчиваго проявленія таковыхъ. Несомнѣнно, что духовныя силы или свойства русскаго духа велики и прочны (о чемъ свидѣтельствуютъ изумительные подвиги въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напр., въ дѣлахъ военныхъ), но въ обычное время силы эти остаются въ состояніи потенціи; склонность къ дѣтельному обнаруженію ихъ недостаточно развита; полагаютъ, что есть много неодолимыхъ къ тому препятствій въ самомъ строѣ нашей государственной жизни, но, кажется, вѣрнѣе изъяснить это явленіе тѣмъ, что наша школа не выполняетъ своего назначенія, состояніе ея крайне несовер-

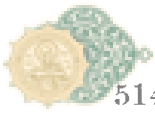
Труды Киевск. дух. Акад. Т. II. 1905 г.

шенно. Какъ и все жизненное, школа можетъ соответствовать своему назначенію тогда лишь, если она въ главныхъ своихъ основаніяхъ создана самою жизнью—народно-общественною, а не есть произведеніе искусственное; она должна органически усовершенствоваться и развиваться присущими ей собственными силами. Высшій надзоръ и попеченіе объ ней должны бы направлять главное свое вниманіе на результаты школьнаго труда, дѣломъ ихъ должна быть также постановка задачъ, но самый процессъ труда, методъ, приемы, вся техника школьнаго дѣла должны свободно вырабатываться самою школою и не должны тормозиться никакими посторонними, часто придиричвыми, и по своей отвлеченности, бесполезными указаніями и запрещеніями, совѣтами.

Въ свое время нѣкоторыми изъ славянофиловъ былъ поднятъ вопросъ о національности въ наукѣ. Несомнѣнно, что національный духъ налагаетъ свою печать и на произведенія научныя. Но это относится въ особенности къ наукамъ гуманитарнымъ, но не къ наукамъ математико-естественнымъ. Потому научная наша дѣятельность въ области этихъ наукъ крайне слаба, что національное наше развитіе не достигло еще той высоты и силы, чтобы проявить свое плодотворное вліяніе въ высшихъ сферахъ труда. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, именно о слабости нашего національнаго, или что то же самобытнаго духовнаго развитія, и состояніе нашей повременной литературы. Въ литературѣ этой господствуетъ пессимизмъ, оттого что, для оцѣнки проявленій нашей общественно-народной жизни, она обыкновенно пользуется сравненіемъ этой жизни съ показною стороною жизни другихъ европейскихъ народовъ,—слѣдствіемъ этого являются постоянныя причитанія о нашей отсталости, малокультурности, о безцвѣтности нашей жизни. Самостоятельно выработанныхъ у насъ идеаловъ нѣтъ; идеалами для насъ служатъ все еще примѣры и образцы чужеземные.

Самостоятельно выработанные идеалы, если бы таковы были, должно бы дать намъ наше искусство. Но известно, что и въ искусствѣ нашемъ отражаются идеи и направленія иноземныя. Зависимость нашего искусства отъ постороннихъ вліяній дѣлаетъ невозможнымъ стройное органическое развитіе его. Такое развитіе въ нѣкоторой мѣрѣ можно находить у насъ развѣ только въ изящной литературѣ; здѣсь дѣйствительно замѣчается преимущество и постепенность развитія, но главнымъ образомъ въ выработкѣ языка. Черты національнаго духа отразились замѣтнымъ образомъ и въ разнообразномъ содержаніи литературныхъ произведеній значительно въ большей мѣрѣ и съ большею ясностію, нежели въ другихъ искусствахъ. И это, быть можетъ, потому, что въ литературномъ искусствѣ, въ отличіе отъ другихъ искусствъ, почти все значить талантъ, дарованіе, и очень мало значенія имѣетъ сторона техническая, требующая въ другихъ искусствахъ постояннаго, усиленнаго труда изученія и неослабнаго стремленія къ самоусовершенію.

Вообще должно сказать, что правильнаго, т. е. жизненнаго рѣшенія всѣхъ проблемъ, относящихся къ положенію, условіямъ и задачамъ общественно народнаго труда, для успѣшнаго и бодрaго развитія дѣятельности общественной необходима вѣра въ силу и могущество человѣческаго духа, и эту то вѣру необходимо постоянно и надлежащимъ образомъ возбуждать и поддерживать. Матеріальныя силы и средства необходимы, какъ орудія, но худо если, изучая матеріальную сторону жизни и трудясь надъ разработкою и примѣненіемъ матеріальныхъ силъ, приходитъ къ тому, что именно въ матеріальной сторонѣ жизни полагаютъ весь смыслъ человѣческаго существованія. Душевное равновѣсіе, при которомъ и трудное кажется легкимъ, нарушается, без-

мѣрно увеличивается требовательность; является страсть къ порицанію безпринципному, т. е. свидѣтельствующему лишь о глухомъ постоянномъ раздраженіи, объ отсутствіи спокойствія, необходимаго для здоровой критики.

И. Линицкій.